

О.В. Мальцева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
e-mail: olymals@gmail.com

Вербальная культура нанайцев в смысловом пространстве музея

В статье рассмотрен ментальный аспект материального культурного наследия нанайцев в контексте смыслового пространства их поселковых музеев. В результате этнографических исследований, проведенных с 1998 по 2014 гг. на территории Хабаровского края, выяснено, что логико-понятийный аппарат и культурные коды нанайского рыбака нашли отражение в предметном ряде музейных экспозиций. Их смысловая нагрузка вписывается в параметры вербальной культуры, характерной для всех бесписьменных и промысловых сообществ. Ее главным критерием является структурирование информации на основе развития пространственной памяти. В этой культурной парадигме предметы исполняют несколько ролей – в качестве мнемонических устройств, помогающих запоминать события, ориентироваться в пространстве; хранителей информации о их владельцах; средств связи человека с внешним миром. Зародившаяся в советскую эпоху практика создания поселковых музеев обернулась для нанайцев утратой значимости ряда привычных им предметов. Использование их в качестве музейных образцов означало потерю их хозяйственного, культурного, социального контекста, что в традиционных культурах придает функциональность вещам. С течением времени музейная комната, наполненная разнотипными предметами, обрела статус культурного мини-пространства, содержание которого отражало изменения в нанайском обществе. Наиболее ярким индикатором, показывающим трансформацию мировоззренческих конструкций, выступило отношение к шаманской атрибутике – от запрета выставок ритуальных комплексов до возвращения их в музейное пространство с придачей ему мистического окраса. В настоящее время музейные коллекции выполняют функцию наглядно-учебных пособий, помогающих учащимся национальных школ изучать нанайский язык и культуру. В сельских музеях археологические артефакты и письменные источники, дополняющие этнографические сборы, раздвигают границы понимания нанайской культуры. Интерпретация этого материала создает основу для новой мифологии, в которой далекое историческое прошлое и миф о трех солнцах влетают в легендарную историю нанайского народа.

Ключевые слова: нанайцы, музей, вербальная культура, материальный объект, ментальный мир, терминология, поведение, нарратив.

O.V. Maltseva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
e-mail: olymals@gmail.com

Verbal Culture of the Nanai People in Museum Semantic Space

This article discusses a mental dimension revealed by material cultural heritage of the Nanai people in the context of semantic space of their village museums. Ethnographic studies of 1998–2014 in Khabarovsk Krai revealed that logical and conceptual apparatus as well as cultural codes of the Nanai fishermen are reflected in selection of objects for museum exhibitions. Their subject matter well fits the parameters of verbal culture typical of all non-literate fishing and hunting communities. Its main criterion is structuring information based on development of spatial memory. Objects play several roles in this cultural paradigm, serving as mnemonic devices which help people remember events and navigate in space, keeping information about their owners, and acting as means of communication between a person and the outside world. The practice of organizing village museums, which originated in the Soviet period, resulted in the loss of significance for a number of objects common to the Nanai people. Their use as museum items entailed the loss of their economic, cultural, and social context which gives functionality to things in traditional cultures. Over time, the museum room filled with various types of objects acquired the status of a cultural mini-space, the content of which reflected the changes in the Nanai society. The most striking indicator manifesting the transformation of ideological constructs was the attitude towards shamanic paraphernalia ranging from the ban on exhibitions of ritual complexes to their return to museum space, endowing it with mystical connotation. Currently, museum collections serve as visual educational aids helping students of ethnic schools to study the Nanai language and culture. In rural museums, archaeological artifacts and written sources complement ethnographic collections and expand the boundaries for understanding the Nanai culture. Interpretation of this material creates the foundation for a new mythology, in which distant historical past and myth of the three suns become woven into the legendary history of the Nanai people.

Keywords: the Nanai people, museum, verbal culture, material object, mental world, terminology, behavior, narrative.

В Приамурье образование первых музеев, объектом показа которых стали быт и культура местных народов, относится к концу XIX в. Они возникали в контексте разнопрофильных научных обществ, их коллекции являлись результатом многолетней исследовательской деятельности таких ученых как В.К. Арсеньев, В.П. Маргаритов, П.П. Шимкевич, и сами музейные учреждения позиционировались как центры городской культурной жизни. Содержание их экспозиций было нацелено на удовлетворение желаний горожан познать окружающий мир и узнать побольше о месте их проживания [Корнева, 2002]. Сеть же поселковых и районных музеев в Нижнем Приамурье начала развиваться только со второй половины XX в. Главными мотиваторами их появления выступали колхозная администрация и сельская интеллигенция. Большинство музейных экспозиций и выставок фокусировало внимание на бытовых, культурных особенностях местных этнических общин и представляло собрание самых ярких образцов декоративно-прикладного творчества, хозяйственной деятельности. Этот ряд вещей в виде орнаментированной одежды, сделанной по традиционной технологии посуды в то же время стал восприниматься и как маркер этнической принадлежности сельских жителей.

Заложенная в советское время традиция формирования этнокультурных обликов через атрибуцию материальных предметов образует стержень и современных музейных практик. Вместе с этим приобретающее большую ценность культурное наследие, связанное с прошлым, заставляет выйти за пределы привычного толкования набора демонстрируемых предметов. Один из ключей к пониманию их смысловой нагрузки находится в ментальном мире и вербальной культуре местного сообщества. Коммуникативный и поведенческий аспект исследования позволяет раскрыть характер, динамику мировоззренческих конструкций и понятийных аппаратов, сформированных в конкретных природных и социальных условиях.

В 1998, 2008, 2011, 2014 гг. этнографические исследования в населенных пунктах горинских и амурских нанайцев (сс. Кондон, Нижние Халбы, Джари (Троицкое), Найхин (Даерга), Дада, Сикачи-Алян) послужили прологом в изучении ментальных образов рыболовецких обществ в рамках их перцептивных опытов. Одной из площадок в исследовании овеществленного мира нанайцев стали музейные экспозиции при административных зданиях и общеобразовательных заведениях сельских поселений. Их состав, этикетаж и форма презентаций раскрывают невидимую сторону культуры, получившую отражение в языке, и дают понять, насколько традиционные лексика и стереотипы поведения значимы в современной социальной коммуникации.

Чтобы осмыслить логико-понятийный аппарат и культурные коды нанайского рыбака, нужно подойти к истокам формирования вербальной культуры всех

промысловых сообществ. Их способ познания окружающей реальности и устройство памяти, закрепленные в лексике, возвращают нас к временам, когда система письма еще не развилась, и устная речь являлась единственной формой хранения информации. Культурное пространство собирателей, охотников и рыболовов выстроено вокруг физических сред, в которых они живут, и из взаимодействия с которыми они обретают свои прагматические знания. Каждый объект в их природном окружении рассматривается в качестве мнемонического знака или локуса, помогающего запоминать события в их последовательности, и сведения о них оформлять в связанное повествование. Такой способ структурирования информации лежит в основе пространственной памяти и очень тесно связан с физическим выживанием промысловых общин. Поэтому в словообразовании охотника или рыболова заложен принцип передачи являющихся для него жизненно-важных деталей местности, животного мира и растительности. Их обозначения выступают своего рода компонентами многоуровневой и сложной информационной системы, используемой в ежедневной практике и требующей соответствующих моделей поведения по отношению к окружающему миру [Kelly, 2016].

Изучение народов таежной зоны и долин рек показало, что в их «природных» словарях достаточно много терминов, выражающих нюансы и способы передвижения, – относительно течения реки, берега, возвышенности; обстоятельства ходьбы, плавания [Василевич, 1963]. В нанайской лексике, к примеру, есть понятия, передающие значения: «идти пешком на лыжах, проваливаясь в глубокой снежной целине» (*абара(н)*); «ходить, бегать на берег с горы» (*эвэчи/эвуэчи*); «ехать на соболиную охоту на лодке» (*ханикола*); «движение воды вдоль берега вверх по течению, а потом снова вниз» (*даоли*); «быть прибитым к берегу ветром, течением» или «причаливание лодок друг к другу вплотную» (*ада/адача*) и т.д. [Оненко, 1980, с. 23, 28, 138, 453, 521].

Эти случаи указывают, что главным критерием традиционной вербальной культуры нанайцев, как и всех промысловых народов, является контекстуальность. В этой культурной парадигме материальные объекты существуют во взаимосвязи, с изменением их позиций в пространственно-временном измерении они получают другие смысловые нагрузки и эпитеты. Нанайский рыбак, вылавливающий кету в летний сезон, назовет ее *силкин*, в осенний период – *дава*. Причем осенний кетовый улов будет дифференцирован по половым признакам, разделен на самцов (*амина/омина*) и самок (*энинэ/онина*) [Оненко, 1980, с. 37, 132, 362, 531] (ПМА, с. Верхний Нерген, 2011 г., О.А. Заксор).

Те же самые закономерности прослеживаются в организации бытовой и сакральной сфер, компоненты которых взаимосвязаны между собой. Их наименования отражают не только узкоутилитарные функции вещей или их духовные ценности, а являются свое-

образными регистрами в настройке контактов человека с внешним миром. Достаточно много слов, передающих оттенки использования тех или иных предметов, относящихся к табуированной лексике и являющихся образными выражениями [Аврорин, 1986; Киле, 1976; Смоляк, 1991; Mircea, 1959].

Создание музеев национальной культуры стало шагом в переосмыслении нанайцами своей реальности, когда из динамичного (наполненного движением) бытия они вошли в скопление статичных предметов, вырванных из контекста. Это новое физическое пространство, втиснутое в периметр комнаты здания сельской администрации или клуба, в семантическом выражении являлось имитацией нанайского жилища (рис. 1). Оформление его производилось по единым стандартам: в интерьере, напоминающем убранство нанайской фанзы, находилось много старинных вещей, которые в совокупности иллюстрировали некоторые стороны жизни местного сообщества. По замечаниям ряда старожилов нанайских селений, подобная форма показа приобретенных у сельчан вещей не совсем соответствовала сложившимся практикам демонстрации рукотворных изделий. Это помещение имело признаки «обезличенности». Согласно традиционным установкам, каждый материальный объект имеет свой локус в пространстве – в помещении или вне, в углу комнаты, на чердаке, в амбаре или за пределами жилища в лесу,

и он привязан к конкретному «хозяину». Женские рукоделья также имели интимный характер обращения, что отчетливо видно в их орнаментике. Их формы, материал, технологии изготовления, декор выполняли семантическую роль, передавали информацию о своих владельцах. Результаты женского труда могли выноситься за границы дома и выставляться на всеобщее обозрение в случае подготовки девушки к замужеству. Таким образом, она наглядно показывала роду жениха свое мастерство и доказывала свое умение вести домашнее хозяйство (ПМА, с. Кондон, 1998 г., Л.Ф. Самар). С созданием поселковых музеев этот личный аспект отошел на второй план. Собрание разнотипных изделий, атрибутов на одной полке или подиуме символизировало утрату их функциональности.

С течением времени музейная площадка для нанайцев стала играть роль культурного мини-пространства и в то же время фильтра, отсеивающего непризнанные компоненты культуры. В обустройстве музейного помещения и пояснениях к экспонатам даже в настоящий период можно увидеть следы трансформационных процессов, через которые прошло нанайское общество в годы колхозного строительства. Таким ярким индикатором изменений является культовая атрибутика. В советское время остракизму подверглись шаманские традиции, что отразилось на оформлении сельских выставочных

Рис. 1. Интерьер школьного музея с. Нижние Халбы (Хабаровский край). 2008 г. Фото А.И. Мальцева.

Рис. 2. Мария Григорьевна Кимонко показывает «шаманский угол» в пришкольном музее с. Дада (Хабаровский край). 2008 г.
Фото А.И. Мальцева.

комплексов. Некоторые музеи в среде нанайцев избегали демонстрации культовых предметов, либо в выставочных павильонах их размещали безымянными, или сведения о них были предельно сжатыми. Среди сельских нанайцев получило распространение явление скрывать от собирателей любые детали ритуальных комплексов и информацию о них. Причиной укрывательства являлась не только глубоко интимная сторона ритуально-обрядовых традиций, но и насаждаемая культурно-административным путем атеистическая идеология (ПМА, с. Найхин (Даерга), 2011 г., Р.А. Бельды). Табуированность культовых предметов сохранялась вплоть до 1990-х гг. Тем не менее, со второй половины 1980-х гг. шаманская тематика снова стала пробивать себе дорогу, вернув ценность накопленной за годы советской власти и остававшейся зачастую «нерасшифрованной» ритуальной коллекции. В настоящее время возвращение сакрального статуса многим предметам делает их одушевленными объектами в стенах музея, они становятся частью сокрытых от публичного взора практик и воскресших шаманских историй (рис. 2). Старожилы нанайских сел Даерга, Дада признавались, что популяризация рассказов о шаманах придает музейному пространству мистическое осмысление (ПМА, с. Дада, 2008 г., М.Г. Кимонко; с. Найхин (Даерга), 2011 г. Р.А. Бельды).

В данной культурной парадигме приобретает другой характер семейная легенда и фотография. Было подмечено, что в нанайском обществе изображение человека и повествование о нем до сих пор носят оттенок табу, что сказывается на собирательской работе местных краеведов. К примеру, в с. Синда, часть населения которого состоит из потомков белорусских переселенцев, фамильные истории и фотографии из семейного альбома являются центральным элементом в обустройстве музейного помещения при сельской библиотеке. Изучение выставочных комплексов в селах с компактным проживанием нанайцев (Верхний Нерген, Даерга, Дада, Сикачи-Алян) показало, что поколенческая память в нем занимает небольшое место. Можно увидеть стенды с биографиями знаменитых земляков – героев Великой Отечественной войны, известных колхозников, что вписывается в нарративы официальной истории и отражает реалии недавнего советского прошлого. На этом фоне возросший интерес к личности шамана и шаманским генеалогиям конкурирует с сохранившимися культурными стереотипами в виде запретов на показ реалистичных образов людей и животных и пока остается непроработанным в концепции сельского музея.

В плане воссоздания всех компонентов традиционной материальной культуры остается проблема распознавания части промысловых орудий, предметов домашнего обихода. Как отмечала А.В. Смоляк [1980, с. 263–264], часть музейных материалов по хозяйству народов Нижнего Приамурья остаются «мертвыми». Причиной этого явилось то, что в период колхозного строительства и перенастройкой жизни сельчан на городской быт многие рыболовецкие и охотничьи приспособления были признаны браконьерскими и малоэффективными в решении задач плановой экономики. Это привело к утрате способов применения хранящихся в запасниках музеев орудий. Также традиционные технологии изготовления одежды и утвари не соответствовали новым жизненным запросам. Постепенное исчезновение этих пластов традиционной культуры привело к категоризации предметных комплексов. В пространстве музея их обозначения отражали не узкую трудовую специализацию и родовую принадлежность предметов, а акцентировали внимание на условных признаках. К примеру, в этикетаже стали фигурировать понятия как «свадебный халат *сикэ*», «халат из рыбьей кожи *амири*», «грузила», «невод» и т.д. В их легендах появилось много пробелов с утратой таких позиций как семейная принадлежность, узкопрофильная специализация (рассчитанные на добычу определенных видов животных, рыб с учетом их жизненных циклов).

Подобное оформление перечня вещей имеет под собой соответствующую практическую основу. Часть

музеев в поселениях нанайцев занимает не отдельные здания, а расположена в образовательных, культурно-досуговых, административных учреждениях. Их функция сводится к обеспечению школ наглядно-демонстрационным материалом в изучении нанайского языка и культуры. На уроках нанайского языка и литературы учащиеся усваивают терминологию, построенную на принципах научного познания мира и физического его устройства. В этом процессе музейные экспонаты призваны выполнять роль материальных мнемонических устройств, облегчающих запоминание слов и понимание текста. Но такой способ погружения в культуру, как утверждают некоторые представители старшего поколения нанайцев, обуславливает выстраивание искусственных (рукотворных) рамок в унаследовании приобретенного культурного опыта рыболова и охотника (ПМА, с. Найхин (Даерга), 2008 г., Г.И. Бельды). За границы музея вынесено ландшафтное понимание и динамичное устройство реальности с предельной дифференциацией состава природной среды.

Можно констатировать, что сегодня содержание и оформление музеев в населенных пунктах нанайцев является продолжением их зрелищной культуры, сформированной в годы советской власти. В этом контексте подборка материала для выставочных комплексов имеет эстетическую сущность, его характер соответствует тематике праздничного мероприятия или направленности туристической зоны. Складывается практика проведения для гостей экскурсий на нанайском языке. Таким образом, музейное пространство с представ-

ленными в нем предметами декоративно-прикладного творчества и звучащей нанайской речью создает новый ракурс осмысления культурного наследия. У местных жителей сопричастность к истории и культуре родного места формируют коллекции и их трактовки. В то же время через эту призму освещения материала выкристаллизовывается и новая мифологема. Неотъемлемой частью ее являются археологическое прошлое и Легенда о трех солнцах. Примечательно, что археологические находки в числе музейных экспонатов появились в районах проживания нанайцев примерно с 1970-х гг., и уже сам факт извлечения их из грунта воспринимался представителями коренного населения неоднозначно, некоторые в этом акте видели нарушение многовекового запрета на различного рода земляные работы. Сейчас наблюдается устойчивый тренд влечения информации о древних артефактах в легендарную историю нанайского народа. Конечно, почетное место в этой конструкции занимают сведения о сикачиаленских петроглифах и сопутствующий им миф, изложенный в свое время А.П. Окладниковым в своем труде. Это научное открытие уже не привязывается к одному району – набережной нанайского села с. Сикачи-Алян, длительное время являвшейся шаманским церемониальным и табуированным участком. Локальная легенда стала универсалией. Во многих музейных комплексах нанайцев среди предметов быта, хозяйства и культуры, относящихся к определенным местностям, можно увидеть изображения сикачиаленских личин (рис. 3). Они выполняют роль якорного элемен-

Рис. 3. Шаманская атрибутика рядом с сикачиаленскими личинами в музее при Центре детского творчества в с. Найхин (Хабаровский край). 2011 г. Фото А.И. Мальцева.

та нарратива, позволяющего амурским нанайцам воспринимать себя как единую общность. В то же время на сельских просторах все чаще звучащая легенда об «опаленной земле», «отважном охотнике, убившем три солнца» заставляет по-новому осознавать культурное наследие нанайцев. В нем наряду с устной историей уже достойное место занимают письменные источники и археологические артефакты.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в.».

Список литературы

Аврорин В.А. Материалы по нанайском языку и фольклору. – Л.: Наука, 1986. – 256 с.

Василевич Г.М. Древние географические представления эвенков и рисунки карт // Известия ВГО. – 1963. – Т. 95. – С. 306–320.

Киле Н.Б. Лексика, связанная с религиозными представлениями нанайцев // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (Вторая половина XIX – начало XX в.) / отв. ред. И.С. Вдовин. – Л.: Наука, 1976. – С. 189–202.

Корнева Л.В. У истоков музейного дела на Дальнем Востоке России (1884–1917 гг.). – Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2002. – 188 с.

Оненко С.Н. Нанайско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1980. – 552 с.

Смоляк А.В. Соотношение аборигенного и тунгусского компонентов в хозяйстве народов Нижнего Амура // Народы и языки Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 260–266.

Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Приамурья). – М.: Наука, 1991. – 280 с.

Kelly L.S. Grounded: Indigenous Knowing in a Concrete Reality. – URL: [https://roundedglobe.com/html/e66869eb-0358-](https://roundedglobe.com/html/e66869eb-0358-461c-8f45-3bfe55099a78/en/Grounded:%20Indigenous%20Knowing%20in%20a%20Concrete%20Reality/)

[461c-8f45-3bfe55099a78/en/Grounded:%20Indigenous%20Knowing%20in%20a%20Concrete%20Reality/](https://roundedglobe.com/html/e66869eb-0358-461c-8f45-3bfe55099a78/en/Grounded:%20Indigenous%20Knowing%20in%20a%20Concrete%20Reality/) (дата обращения 15.09.2023).

Mircea E. The sacred and the Profane. The nature of Religion. – N.Y.: A Harvest/HBJ Book, 1959. – 256 p.

References

Avrorin V.A. Materialy po nanaiskom yazyku i fol'kloru. Leningrad.: Nauka, 1986. 256 p. (In Russ.).

Kelly L.S. Grounded: Indigenous Knowing in a Concrete Reality. – URL: <https://roundedglobe.com/html/e66869eb-0358-461c-8f45-3bfe55099a78/en/Grounded:%20Indigenous%20Knowing%20in%20a%20Concrete%20Reality/> (Accessed: 15.09.2023) (In Eng.).

Kile N.B. Leksika, svyazannaya s religioznymi predstavleniyami nanaitsev. In *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa* (Vtoraya polovina 19th – nachalo 20th v.). Ed. I.S. Vdovin. Leningrad: Nauka, 1976. P. 189–202. (In Russ.).

Korneva L.V. U istokov muzeinogo dela na Dal'nem Vostoke Rossii (1884–1917 gg.). Khabarovsk: KhKKM im. N.I. Grodekova, 2002. 188 p. (In Russ.).

Mircea E. The sacred and the Profane. The nature of Religion. New York: A Harvest/HBJ Book, 1959. 256 p.

Onenko S.N. Nanaisko-russkii slovar'. Moscow: Russkii yazyk, 1980. 552 p. (In Russ.).

Smolyak A.V. Shaman: lichnost', funktsii, mirovozzrenie (narody Nizhnego Priamur'ya). Moscow: Nauka, 1991. 280 p. (In Russ.).

Smolyak A.V. Sootnoshenie aborigennogo i tungusskogo komponentov v khozyaistve narodov Nizhnego Amura. In *Narody i yazyki Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 1980. P. 260–266. (In Russ.).

Vasilevich G.M. Drevnie geograficheskie predstavleniya evenkov i risunki kart. In *Izvestiya VGO*, 1963. Vol. 95. P. 306–320. (In Russ.).

Мальцева О.В. <http://orcid.org/0000-0003-3694-7434>